

© 2013 г.

Аркадий Мартынов

доктор экономических наук

зам. директора Международного научно-исследовательского

института социального развития

(e-mail: socpolamv@mail.ru)

БУДУЩАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ: ОСНОВНЫЕ СЦЕНАРИИ

В статье рассматриваются основные альтернативные сценарии будущей мирохозяйственной трансформации, сопряженные со значимыми институциональными реформами. Как следует из аргументации автора, в дальнейшей перспективе, вероятно, сложится глобальная смешанная экономика с доминирующими высокотехнологичными секторами.

Ключевые слова: экономическая глобализация, капитализм, средний путь, мировая технологическая трансформация, высокотехнологичные корпорации, социализация технологического прогресса

Опираясь на существующие разнообразные источники информации и результаты предшествующих аналитических изысканий¹, постараемся представить основные альтернативные сценарии глобального экономического развития.

Широко признаваемый сценарий капиталистической глобализации. Сформировавшаяся официальная на международном уровне позиция о перспективах глобализации отражена, прежде всего, в программных декларациях последних саммитов стран двадцатки (G-20) и на ежегодном форуме в Давосе. Суть данной позиции заключается в том, что формируемый в XXI веке мировой экономический порядок предполагает интернационализацию рыночной деятельности на базе свободного движения капитала в его ныне существующих формах через границы национальных государств. Это означает, что основу экономического мироздания составит глобальный капиталистический рынок, где главную роль играют крупнейшие финансовые и нефинансовые корпорации. Мультирегиональные и национальные экономики останутся. Но при этом глобальная или транснациональная капиталистическая система будет явно доминировать над национальными экономическими системами, которые фактически будут играть роль составных частей мировой экономической системы.

¹ См.: А. Мартынов. Экономическая глобализация как трансформация: ожидаемые перспективы // Общество и экономика, 2013, № 4.

Впрочем, можно констатировать, что в разработанных под эгидой международных организаций сценариях финансовой и общеэкономической глобализации предлагается исключительно градуалистская стратегия очень неспешного преодоления институциональных, экономических и других социетальных различий между разными регионами мира и группами стран. На такой основе, в свою очередь, предполагается постепенная полная интеграция региональных экономических союзов в рамках глобальной системы.

Заметим, что в зарубежных источниках информации наиболее широко представлены прогностические исследования, посвященные финансовой глобализации и формированию институционального каркаса будущего глобального финансового регулирования. Среди них особо стоит выделить относительно недавно представленный доклад, выполненный под эгидой Международного экономического форума (WEF) в Давосе: Euro, dollar, yuan uncertainties. Scenarios and the future of the International Monetary System¹.

Авторы доклада в первую очередь акцентируют внимание на крайне высокой неопределенности перспектив реформирования мировой денежной системы, солидаризуясь с целым рядом авторитетных исследователей². При этом в качестве наиболее желаемого сценария рассматривается сценарий формирования биполярного валютно-финансового мирового устройства. Во-первых, на базе доллара и евро, что предполагает устойчивый союз США и ЕС (последний, как предполагается, переживет будущий кризис). Во-вторых, на базе инвалютного юаня. А это, в свою очередь, предполагает консолидацию денежных систем стран BRICS и других стран формируемого Восточного (точнее сказать, не западного) экономического сообщества. В пользу такой перспективы свидетельствует целый ряд факторов, в том числе прорыв китайских банков на лидирующие позиции в мировых рейтингах.

Реформирование мировой финансовой системы в обозначенном направлении предполагает полное доминирование мирового рынка капитала и мирового фондового рынка. Именно на этих рынках, где главными действующими лицами выступают ТНК, крупнейшие мировые банки и страховые компании, будет по-прежнему в основном определяться движение хозяйственной конъюнктуры.

¹ WEF FS EuroDollar/ Juan/Uncertainties Report_2012.pdf.

² См.: Stiglitz J., Greenwald B. Journal of globalization and development, 2010, v.1, issue 2 Wolf M. Fixing global finance. Baltimor, 2010; Ocampo J., Williamson . Building an SDR - based global reserve system. Journal of globalization and development, 2010, v.1, issue 2.

Также в упомянутом докладе акцентируется внимание на ключевой значимости в будущей мировой капиталистической системе глобальных контрактов, заключаемых на основе норм международного права. Предполагается установление безусловного приоритета международного законодательства в отношении прав корпоративной собственности и регулирования корпоративного капитала, что должно обеспечить наилучшие условия для движения капиталов ТНК по всему миру. Тем самым в решающей мере координация действий экономических агентов будет осуществляться с помощью механизмов движения глобального капитала.

Правда, в данной связи возникает крайне трудноразрешимая при сохраняющейся институциональной дивергенции национальных систем проблема создания и утверждения универсального международного корпоративного права¹. Как впишутся в глобальную экономическую систему новые китайский и индийский капитализмы, полноценную институционализацию которых ожидают сторонники рассматриваемого сценария? На этот вопрос не дается ответа.

В контексте сказанного, впрочем, стоит отметить, что среди исследователей определенно наблюдается расхождение в позициях по вопросу соотношения сил между государством и корпоративным бизнесом. Некоторые из них полагают, что ведущая роль в координации глобальных экономических процессов будет принадлежать транснациональной корпоративной элите. Фактически она давно сформировалась в ведущих капиталистических странах².

Впрочем, это мнение явного меньшинства. Полная корпоративизация мировой экономики на капиталистической основе при второстепенной роли национальных государств и мультинациональных органов управления представляется маловероятной, по крайней мере, в силу двух весомых причин. Во-первых, велика угроза, по признанию самих сценаристов, долговременной необратимой рецессии. Во-вторых, роль национальных государств останется очень значимой в обеспечении технологического прогресса и эффективного использования основных ресурсов.

В данной связи стоит заметить, что во многих зарубежных публикациях признается хрупкость существующего глобального экономического порядка, подверженного воздействию региональных интеграционных

¹ Этот вопрос рассмотрен в обстоятельной и вызвавшей резонанс книге известного правоведа Сола Пиччиотто: Picchiotto S. *Regulating global corporate governance*. Oxford, 2011.

² См., например: Robinson W. *Global capitalist theory and emergence of multinational elites*. UNI-WIDER, Geneva, 2010.

процессов¹. Потребность в отладке мощных механизмов политического регулирования глобальных потоков капитала все более усиливается.

Критическое значение приобретает утверждение наднациональных институтов, обеспечивающих быстрый масштабный рост международной собственности и ее безопасность. При этом в документах Всемирного форума подчеркивается первостепенная роль в будущей экономике эффективных частно-государственных партнерств на международном уровне.

Не менее велико значение институтов, осуществляющих наднациональное рыночное регулирование. Правда, имеет смысл обратить внимание на то, что давно назревшая необходимость строгого разграничения прерогатив между основными органами наднационального регулирования (МВФ, Всемирным банком, ВТО и др.) упирается в вопрос о будущей роли ФРС США – реально главного регулятора мировых рынков, который «дипломатично» обходится стороной.

По замыслу сценаристов, центральным звеном институционального каркаса глобального экономического управления должно стать регулирование банковской и остальной финансовой деятельности. По существу оно будет осуществляться через регулирование национальных (центральных) банков, в свою очередь призванных обеспечить стабильность кредитно-денежного оборота в границах отдельных стран. Тем самым основная роль отводится макрофинансовому регулированию с помощью жестких международных правил банковского надзора (Базельских соглашений), исходя из утвердившейся корзины мировых валют. Но при этом даже не ставится вопрос о создании в обозримой перспективе мировой резервной валюты, независимой от национальных валют.

По существу все ожидаемые серьезные институциональные подвижки ограничиваются финансовой сферой. Наднациональное реформирование рыночных секторов реальной сферы как бы не предусмотрено, предполагается сохранение прежнего либерального режима их функционирования. Об этом свидетельствуют официальные документы предпоследнего и последнего Всемирных экономических форумов в Давосе (январь 2012 и 2013 гг.), где обсуждались будущие модели стимулирования общеэкономического роста, промышленного бизнеса, устойчивого энергетического роста, личного потребления и обеспечения занятости².

¹ Gilpin R. The Challenge of Global Capitalism: The World Economy in the 21st Century. Princeton, 2007.

² The Great Transformation: shaping new models. World Economic Forum Annual Meeting 2012. www.weforum.org/reports; A New Vision for Growth. Advanced Manufacturing. Accelerating Infrastructure Development. World Economic Forum Annual Meeting 2013. www.weforum.org/sessions/summary.

В указанных документах в первую очередь декларируется, что долгосрочная перспектива позитивна. И главная надежда на дальнейший рост глобальной капиталистической экономики связывается с устойчиво быстрым развитием мирового потребительского рынка. Так, по прогнозу авторитетной на мировом уровне консалтинговой фирмы McKinsey, 80 процентов мирового ВВП будет продаваться через международные границы к 2027 году, по сравнению с 20 процентами в 2001 году. При этом согласно сценарным проектировкам той же McKinsey, представленным в ее недавнем резонансном докладе¹, более половины потребительских расходов придется на население стран с динамично развивающимися рынками. Тем самым превалирующие стандарты капиталистического потребления будут доминировать на большей части мирового социума.

В свою очередь, в качестве главного фактора роста капиталистических рынков, особенно в странах с развивающимися рынками, рассматривается внедрение новых технологий. Произойдет переход от использования невозобновляемых ресурсов к использованию возобновляемых и применению технологий производства и транспортировки экологически чистой продукции. В результате промышленное производство и сектор производственных услуг приобретут новый облик при параллельном становлении «зеленой экономики».

В то же время никаких серьезных новаций в области институционального реформирования рынков реальной сферы не ожидается. Так, не предложено никаких решений для кардинального усиления конкуренции на международных сырьевых рынках. А это означает, что цены на них будут по-прежнему в сильной мере зависеть от приливов/отливов спекулятивного капитала. По прежней траектории будет происходить и развитие других товарных, потребительских и непотребительских, рынков. Соответственно, будут воспроизводиться институциональные противоречия этих рынков.

Правда, в отношении рынков труда предполагается определенно не инерционная стратегия развития. В частности, прогнозируется самое широкое распространение гибких моделей занятости. Они предусматривают повсеместное использование системы начального ремесленного обучения, частичную занятость женщин и инвалидов, постоянные консультации с профсоюзами и участие представителей работников в советах компаний. В то же время условия найма рабочей силы на большинстве рынков по всем прогнозам будут все более ужесточаться. И, несмотря на ожидаемое усиление государственного и, особенно, общественного вме-

¹ Manufacturing the future: the next era of global growth and innovation. MGI_ Manufacturing_Full Report_Nov2012.pdf.

шательства, институциональные противоречия капиталистического рынка труда сохраняются.

Совсем обходится стороной в сценарных проектировках, выполненных под эгидой Мирового форума, проблема глубочайшего технологического разрыва – отставания развивающихся стран от передовых развитых стран. Как известно, на уровне международных организаций достаточно давно сформулированы рекомендации по стимулированию ускоренного развития инновационного бизнеса в развивающихся странах¹. Однако, как показывает практический опыт, сам по себе рост инновационных рынков, главным образом в границах малого бизнеса, без создания значимого национального высокотехнологичного сектора не приводит к желаемому сокращению технологического разрыва. По известным нам прогнозам, в ближайшие годы разрыв в уровнях технологического потенциала развитых и развивающихся стран будет продолжать увеличиваться.

Также не обсуждается никаких реформаторских шагов, направленных на улучшение торговых и в целом экономических отношений между развитыми и развивающимися странами. Главная, хотя и не афишируемая причина этого кроется в предполагаемом сохранении на мирохозяйственной арене гегемонии западных стран во главе с США. И, вероятно, сложившиеся несправедливые условия мировой торговли для бедных стран, главным образом производящих продовольственные товары и дешевые сырьевые продукты (в частности хлопок), будут воспроизводиться.

По причине ожидаемого в соответствии с рассматриваемым сценарием сохранения нынешнего экономико-политического баланса сил на мировой арене весьма маловероятным представляется и возникновение действительно новой транснациональной элиты. Прежняя корпоративная элита и в первую очередь финансовая элита в ведущих странах мира, скорее всего, плавно трансформируется в транснациональную.

В целом можно сделать вывод, что существующие структурообразующие институты собственности и координации сохранят себя в проектируемой глобальной капиталистической системе. В ее рамках однозначно предполагается господство крупной корпоративной собственности. При этом рыночная власть корпораций как субъектов экономической координации еще более усилится. Тем самым главную роль по-прежнему будут играть механизмы олигополистической конкуренции, продуцирующие негативные побочные эффекты деятельности.

В итоге при реализации этого сценария будет иметь место воспроизводство **главного институционального противоречия транснацио-**

¹ Этот вопрос обстоятельно рассматривается в докладе Всемирного банка: Global Economic Prospects 2008: Technology Diffusion in the Developing World. Wash., D.C., 2008.

нального корпоративного капитализма, заключающегося в заведомом неравенстве субъектов рынка при преимуществе крупного корпоративного и банковского капитала. А это будет означать сохранение структурных диспропорций распределения. Также есть все основания прогнозировать сохранение (в случае выполнения рассматриваемого сценария) других противоречий, проявляющихся на существующих основных капиталистических рынках. А это означает опять повторение новых циклов роста и рецессии.

Кроме того, следует учитывать возможные негативные исходы рассматриваемого сценария мирового экономического и социального развития, связанные с внутринациональными и межгосударственными конфликтами¹. Вероятность таких негативных исходов усиливается вследствие высокого риска распространения новых заразных эпидемий (пандемий) по всему миру и не просчитываемых последствий ухудшения глобального климата.

Впрочем, в дополнение к сказанному, следуя императиву объективности, нельзя обойти вниманием тему возможного сдвига влево (при всей условности этого термина) политики, касающейся экономической глобализации капиталистического мира.

Как известно, в 2010 году в США был принят закон Доджа-Франка. Он наделяет ФРС полномочиями, которые позволили бы дробить крупные компании, представляющие угрозу для экономической стабильности США. В этих целях в рамках ФРС создан специальный Совет по надзору за финансовой стабильностью, который обладает властью требовать от компании – хотя и в качестве "крайней меры" – отказываться от права собственности на активы. В законе также ужесточены требования к уровням капитализации компаний и объему используемых ими заемных средств.

В соответствии с аргументацией известных исследователей, последовательное осуществление реформы финансового регулирования в США повлечет за собой трансформацию национальной модели рынка капитала по принципиально иному институциональному образцу². По сути дела в качестве такового полагается исторически сложившаяся (восходящая к Бисмарку) модель германского рынка капитала. Она характеризуется доминирующей ролью банков как регуляторов капиталообразования и од-

¹ Они рельефно обозначены, например, в недавнем резонансном докладе "Глобальные тенденции 2030. Альтернативные миры" Национального совета по разведке США: Global Trends 2030: Alternative Worlds.pdf.

² Hall P., Thelen K. Institutional Change in Varieties of Capitalism. 2007. www.Hall_Institutional.pdf.

новременно денежного оборота. Нефинансовые же компании, включая крупные корпорации, играют на финансовом рынке подчиненную роль.

А что если экономические реформы новой/старой администрации США будут успешными?

Тогда уже в близкой перспективе реальной стала бы реализация качественно иного сценария глобализации, предполагающего сближение институциональных систем США и Великобритании, с одной стороны, и Германии и Японии, с другой. А в дальнейшем откроются возможности для преодоления институциональной дивергенции национальных капиталистических систем в мировом масштабе. Уместно отметить, что предполагаемая интегрированная институциональная модель основана на концепции «организованного капитализма»¹, тем самым по существу предполагается переход от национального варианта регулируемой капиталистической системы к ее мировому варианту.

Впрочем, обозначенная метаморфоза вполне вероятно останется исключительно гипотетической. Реальных серьезных подвижек в принципиальном институциональном реформировании финансовых систем англо-американского типа не было сделано. Отмечается только некоторый прогресс в деятельности регуляторов собственно кредитной деятельности банков², что не отразилось на широких возможностях создания нового спекулятивного капитала на фондовом рынке, притом со стороны его главных участников – все тех же крупнейших банков.

Вполне показательно, что в главном предвыборном документе переизбранного президента США подчеркиваются успехи в поддержке промышленности (где создано около 0,5 млн рабочих мест), в частности, автомобильной. Параллельно делается акцент и на порядковом расширении торговли с рядом стран, в частности, с Южной Кореей, Панамой и Колумбией, и эффективной жесткой торговой политики в отношении Китая, в результате чего экспорт вырос на 36%. Но ни слова не говорится о финансовой реформе, которая по первоначальному замыслу была призвана положить конец всевластию Уолл-стрита.

¹ Нельзя не сказать о том, что фактически она принадлежит все тому же Рудольфу Гильфердингу и в полном виде представлена в его опубликованном выступлении «Задачи социал-демократии в Германской республике» на конференции социал-демократической партии Германии в 1927 году (см.: Капитализм, социализм и социал-демократия. М.-Л.: Московский рабочий, 1928, с. 115-128). В современной экономической литературе Германии концепция «организованного капитализма», заметим, достаточно давно утвердила себя.

² FINANCIAL REGULATORY REFORM. United States Government Accountability Office. January 2013. GAO-13-195.pdf.

Главной же заявленной целью экономической политики администрации Обамы на текущий четырехлетний срок прокламируется создание одного миллиона новых рабочих мест и повышения квалификации еще большого числа работающих, для чего предполагается широко использовать налоговые методы стимулирования собственных производителей в духе так называемого посткейнсианства. И опять-таки совсем обходится вниманием проблема реформирования финансового рынка.

Возможно, реформирование рынков труда в США может дать положительные результаты. Но, скорее всего, они будут иметь лишь локальный эффект без общесистемных последствий. Во всяком случае, рыночное доминирование банков и связанных с ними ТНК под эгидой Уолл-стрита останется неизменным.

Сценарий полной финансовой и ускоренной глобализации. Сказанное ранее касалось официально признанных позиций относительно утверждения глобального экономического порядка на основе институтов капитализма в долгосрочной перспективе. Но, как известно, в нашем сегодняшнем мире господствует двойной стандарт. Политическая практика разительно отличается от декларативных меморандумов.

Оптимальный, хотя бы с точки зрения минимизации издержек, проект капиталистической глобализации требует слишком большого времени, в любом случае периода за границами политической жизни нынешних западных руководителей. Слишком долгим выглядит процесс сглаживания различий между странами и целыми регионами в условиях растущего риска новых катаклизмов. Логика выбора данного сценария очевидна: лучше разрубить "гордиев узел" противоречий, а не пытаться его распутать путем постепенных институциональных подвижек.

Фактически предполагается принудительная имплантация глобального капиталистического порядка, отвечающего интересам существующей корпоративной западной элиты в лице крупнейших банков, страховых, сырьевых и торговых корпораций. При этом такой экономико-политический курс будет подкрепляться постоянным наращиванием военной мощи и самой агрессивной внешней политикой.

Можно с полной уверенностью прогнозировать, что при реализации такого сценария рыночная власть крупнейших нефинансовых корпораций и банков станет практически абсолютной. Крупнейшие корпорации будут определять основные направления наднационального регулирования экономической деятельности. Но при этом главную роль будут, по-видимому, играть механизмы рыночного саморегулирования на глобальном уровне.

Национальные экономики и мультирегиональные экономические союзы остаются, но все они попадут в орбиту глобального регулирования.

ния. И внутрисистемные трансформации будут происходить, исходя из императива ускоренной глобализации.

Конечно, успешное развитие Китая и ряда других не западных стран является, по-видимому, главным препятствием к ускоренной финансовой глобализации на капиталистической основе. И, вне всякого сомнения, следует ожидать резкого противодействия намерениям установить мировую финансовую диктатуру со стороны китайских сверхбанков. По указанной причине потребуются использование уязвимых мест стран-конкурентов, в первую очередь Китая и России. По существу, предполагается, что военно-технологическая, финансовая и политическая мощь западных стран во главе с США, интегрировавшихся в одной глобальной системе, позволит подавить военно-политическую конкуренцию со стороны Китая и России и обуздать гегемонистские устремления Китая к мировому лидерству. И тогда возможный, исходя из сложившихся тенденций экономического и технологического развития, выход Китая в лидеры к 2025 году определенно не состоится.

В плане практической политики **осуществление рассматриваемого сценария в первую очередь означало бы установление безоговорочного контроля и затем просто захват национальных финансовых систем и обращение к финансово-валютным инструментам принуждения, какие практиковал МВФ в 90-е годы. Тогда будут сняты непосредственные угрозы существованию капиталистической системы, во всяком случае, в среднесрочной перспективе.** В связи с этим, заметим попутно, либерализация банковского сектора в России, сопряженная с вероятной экспансией западного финансового капитала, однозначно представляется неприемлемой.

Доллар фактически останется единственной доминирующей мировой валютой, приемлемой для резервирования почти во всех странах мира. Евро, курс которого искусственно поддерживается путем валютных интервенций с ведома ФРС, явно не конкурент доллару. Понятно, что такая финансовая глобализация, осуществляемая на основе моновалюты – доллара, отвечает в первую очередь интересам США и его ближайших союзников.

Утвердится только один центр политической силы, представляемый США и их ближайшими союзниками. Претензии ЕС на мировой центр силы очень скоро в случае осуществления рассматриваемого сценария станут несостоятельными. Китаю, России, Индии и другим странам, представляющим не западное экономическое сообщество, право на выбор тоже не будет предоставлено.

Впрочем – и это обстоятельство стоит особо выделить – никто официально не ставит под сомнение целесообразность перехода в долгосроч-

ной перспективе к многогранному мировому экономическому порядку, основанному на плюрализме глобальных, мультирегиональных и национальных институциональных систем, в соответствии с упоминавшимися декларациями G-20. Но это "демократическое" развитие откладывается как бы «на потом» после успешного полного утверждения глобальной финансовой системы, отвечающей интересам ведущих западных стран и, соответственно, существующей мировой корпоративной элите.

Исходя из ранее представленной аргументации, правомерно утверждать, что ускоренная финансовая глобализация обусловит институционализацию – хотя и весьма усеченную – глобальной системы, властвующей над всем рыночным миром, при сохранении и углублении фундаментальных противоречий транснационального корпоративного капитализма. Эта экономическая система, как показывает весь ход истории конца XX века и нынешнего XXI века, оказалась явно не панацеей.

В целом **рассматриваемый сценарий следует однозначно оценить как негативный для большинства стран мира. Для его предотвращения необходима активизация усилий со стороны большинства стран мира по реформированию мирохозяйственной институциональной системы в направлении создания принципиально более справедливого экономического, а вместе с ним и политического мировых порядков.** И, по всей видимости, потребуется признание на самом высоком мировом уровне (в первую очередь руководителями стран BRICS) нереальности и, тем более, нецелесообразности попыток в обозримой перспективе добиться полной общемировой глобализации. В то же время заведомая неопределенность дальнейшей глобализационной экономической трансформации и связанный с этим высокий риск ее негативных последствий диктуют целесообразность осторожной, в известном смысле выжидательной стратегии.

Другие альтернативные сценарии экономической глобализации. Коренные глобальные институциональные реформы. На наш взгляд, резонно рассмотреть и вопрос о возможности в будущем такого альтернативного варианта экономической глобализации, который выходил бы за рамки нынешней модели институциональной трансформации мирового хозяйства.

Современная литература представлена прежде всего многочисленными работами традиционной марксистской направленности. Ряд из них отличает убедительная критика недостатков современного финансового капитализма с его корпоративной и финансовой доминантами, но не более того¹.

¹ См., например: Кагарлицкий Б.Ю. Идеология и глобализация. www.intelros.org/lib/statyi/kagarlitsky3.htm; Karson K. The iron first behind the Invisible Hand: Corporate Capitalism As a State-Guaranteed System of Privilege. L., 2011.

О самом же неомарксистском сценарии альтернативной глобализации можно говорить с большой долей условности. По-видимому, наиболее радикальное из предлагаемых его адептами решений заключается в социализации финансов, означающей национализацию крупнейших банковских институтов и передачу под общественно-государственный контроль средних и мелких банков¹. По существу обходится вниманием проблема предпринимательской инициативы и работоспособности рыночных механизмов в случае гипотетического восстановления на глобальном уровне основополагающих социалистических институтов. И в целом не предложено, насколько нам известно, реалистичной стратегии перехода к глобальной экономической системе, отвечающей принципам социальной справедливости в их марксистском понимании.

Большого внимания, на наш взгляд, заслуживает иной альтернативный сценарий глобального экономического развития. Его главная отличительная черта заключается в сочетании на равноправной основе капиталистических институтов и институтов, выходящих за рамки рыночной практики, которые в своей совокупности в той или иной мере структурировали бы процесс экономической глобализации.

Исходная посылка рассматриваемого сценария вполне понятна. Будущий мировой кризис-рецессия создаст предпосылки для кардинальной реструктуризации мировой экономики. И в первую очередь станет возможно коренное реформирование мировых финансовой и валютной систем посредством дискретных институциональных перемен. Узловое значение на начальном этапе реформирования приобретает решение трех задач. Во-первых, утверждение по-настоящему жестких международных правил контроля банковского и, что не менее значимо, вне банковского кредитования. Во-вторых, ликвидация офшорных и прочих «гаваней» для отмывания незаконного капитала. В-третьих, что самое важное, переход к корзине относительно равно значимых мировых валют, включающей в себя валюты стран BRICS и в первую очередь юаня.

В целом процесс реформирования мирохозяйственного институционального устройства, вероятно, займет несколько лет после ожидаемого кризиса-рецессии. Его результатом призвано стать **преодоление доминирующего положения финансового рынка и дестимулирование спекулятивной деловой деятельности**, в том числе на рынках ценных бумаг. Параллельно этому необходимо добиться нормализации структуры цен, в первую очередь означающей снижение относительных сырьевых цен. То-

¹ Бугалин А.В., Колганов А.И. Мировой экономический кризис и сценарии посткризисного развития: марксистский анализ. www.institutiones.com/theories/1166.

гда доходы корпоративной финансовой и торгово-сырьевой олигархии кардинально снизятся.

В политическом плане осуществление мирохозяйственных реформ предполагает социал-реформистский, совсем не революционный курс. В то же время, принимая во внимание сильные позиции господствующей до настоящего времени корпоративной элиты на политической арене, на успех очевидно можно рассчитывать только в случае выполнения жестких и строго последовательных политических решений.

Принципиально важно, что рассматриваемый сценарий ориентирован на осуществление технологических трансформационных сдвигов, наиболее благоприятных с точки зрения влияния на экономическое развитие. В первую очередь речь идет о кардинальном прогрессе технологий использования ресурсов. В мировых масштабах будет происходить замещение невозпроизводимых материальных ресурсов воспроизводимыми, производство которых станет менее затратным. Разумеется, на первоначальном этапе это предполагает распространение в развитых странах мира новых технологий ресурсопотребления на базе воспроизводимых ресурсов, уже апробированных к настоящему времени в скандинавских странах (Норвегии и Швеции).

Как следствие, сырьевые рынки постепенно перестанут быть высокодоходными. В свою очередь, порядковое сужение сверхрентабельных рынков откроет путь для перемещения ресурсов, прежде всего в виде прямых инвестиций, из ранее спекулятивных сфер их применения в постиндустриальную сферу и, в частности, в быстрорастущий постиндустриальный промышленный сектор. В результате станет возможным глобальный трансформационный сдвиг, выражающийся в переходе на путь рационального экономического развития, основанного на воспроизводимых ресурсах и соответствующего экологическим императивам развития человеческого социума.

Правомерно прогнозировать повсеместное распространение опыта развития высокотехнологичных кластеров и «зеленой экономики» в рамках национальной экономики по примеру Норвегии, Швеции и Сингапура. И в первую очередь, исходя из всей располагаемой прогнозной информации, такого рода переориентация на путь высокотехнологичного развития затронет китайскую и американскую экономики. Затем настанет черед Японии, Германии и других развитых стран, России и остальных стран BRICS помимо Китая, а также ряда стран ЮВА. В конечном счете, неизбежной представляется под давлением внешних факторов и кардинальная технологическая реструктуризация экономик латиноамериканских стран, избравших в настоящее время путь «нового социализма».

Видимо, такой вариант допустимо назвать институциональной моделью развития глобализации по «среднему пути». Но его можно обозначить только в сугубо эскизной форме.

Можно полагать, что неотъемлемой чертой этой модели призвана стать действительная демократизация собственности и прежде всего корпоративной собственности. В настоящий момент в наибольшей мере этому условию удовлетворяет законодательство Швеции и Норвегии, включающее в себя, в частности, положение о мелких акционерах – миноритариях, позволяющее им контролировать акционерный капитал. Следует ожидать и повсеместного распространения в корпоративном секторе частно-государственных партнерств на принципах взаимного дополнения частной и социализированной собственности. В то же время, во всей видимости, общесистемные институты, регламентирующие распределение прав собственности и, в частности, прав корпоративной собственности, будут трансформироваться в соответствии с ранее сложившимися траекториями. Тогда достижения современного корпоративного управления будут сохранены.

Рынок капитала приобретет новый облик. Стоимость капитала будет отражать его реальную ценность, привлекательность, тем самым фондовый рынок станет устойчиво стабильным. Главная причина такой метаморфозы заключается в отсутствии высокодоходных рынков и тем самым широкой среды для спекулятивной финансовой деятельности. Наряду с этим стабильность фондовых котировок может быть обеспечена благодаря целенаправленному макрорегулированию кредитных потоков и денежного обращения. Но заметим, что в полной мере такая политика будет эффективной при полной глобализации фондового рынка развитых стран в соответствии с рассматриваемым сценарием.

В рамках экономических систем рассматриваемого типа исключительно банки будут выступать главными субъектами финансовой деятельности. А это, исходя из императива устойчивого системного развития по среднему пути, предполагает активное регулирование банковского сектора при значительном государственном участии.

При обозначенных институциональных условиях нефинансовые корпорации не будут играть роль значимых финансовых игроков. И прежде всего на стабильном фондовом рынке, где не будет ниш для масштабных спекулятивных операций с корпоративными ценными бумагами. Не будет стимулов у корпораций и к агрессивным слияниям и погло-

щениям. По двум основным причинам. Во-первых, суммарный капитал корпораций не будет увеличиваться в повышенной прогрессии в условиях стабильного фондового рынка. Во-вторых, исчезнет сама финансовая потребность в привлечении дополнительных инвестиций в «материнские» компании или их «дочки», поскольку главным и вполне достаточным источником доходов высокотехнологичных корпораций и большей части остальных нефинансовых корпораций будет выступать технологический прогресс. У них не будет нужды в привлечении инвестиций посредством диверсификации своего капитала на фондовом рынке.

В такой институциональной среде процесс слияний и поглощений, обусловленный финансовыми приоритетами, постепенно спонтанно сойдет на нет. И можно будет обойтись без законодательных запретов, несовместимых с принципами работоспособного рынка.

Наиболее предпочтительной в сырьевом секторе, который перестанет быть высокодоходным и не будет привлекать спекулятивный капитал, представляется смешанная модель развития, подобная модели развития энергетического сектора Норвегии. Отличительной чертой этой модели выступает активное государственное участие и равноправное партнерство с частными компаниями, как транснациональными, так и относительно небольшими.

В то же время превалирующая роль рыночного саморегулирования в традиционных секторах среднего и малого бизнеса представляется вполне оправданной. Но поддержка рынка труда в этих секторах, судя по известным нам прогностическим исследованиям, останется важным направлением государственной политики.

Особым объектом регулирования будут оставаться инновационные и высокотехнологичные рынки. Такого рода регулирование должно способствовать проявлению в максимальной мере позитивных побочных эффектов рыночной деятельности инноваторов и производителей высокотехнологичной продукции и, соответственно, в минимальной мере соответствующих негативных побочных эффектов. Кроме того, долгосрочная государственная политика призвана быть направлена и на стимулирование кардинального увеличения занятости на этих рынках.

Нельзя обойти вниманием и то обстоятельство, что одними из определяющих в процессе развития экономических систем рассматриваемого типа являются экологические приоритеты. Мощные институты общественной регуляции, присущие этой системе, во взаимодействии с институ-

тами гражданского общества в состоянии обеспечить порядковое увеличение занятости в секторе инфраструктурного обеспечения экологической деятельности, исходя из глобальных потребностей развития «зеленой экономики» в ближайшей перспективе.

Наконец, огромное значение для успешного утверждения рассматриваемой экономической модели будет иметь отлаженное функционирование механизма трипартизма, обеспечивающего согласование интересов предпринимателей в лице их организаций, работающих в лице профсоюзов и других общественных организаций и власти по всей ее вертикали. На основе такого общественного консенсуса, как показывает исторический опыт Норвегии, становится возможным обуздание коррупции, корпоративного и бюрократического произвола и других известных болезней, присущих современному экономическому управлению.

В итоге, следует ожидать, что постепенно утвердится на глобальном уровне рыночная экономическая система, функционирующая на основе принципа уравнивания – взаимного дополнения структурообразующих институциональных порядков общественной регуляции, корпоративного регулирования и саморегулирования. Тем самым будет преодолено основополагающее структурное противоречие глобализируемой капиталистической системы, обусловленное превалирующим положением институтов корпоративного порядка над остальными институтами.

Также в случае выполнения реализации рассматриваемого сценария станет возможным постепенное преодоление институциональных изъянов основных рынков, ранее сложившихся в рамках глобализируемого корпоративного капитализма. Это будет означать формирование устойчивых условий для экономически справедливого распределения. Тогда, в свою очередь, следуя выводам (теоремам) Парето, может быть достигнуто максимально эффективное состояние конкурентно рыночной, хотя и совсем не атомистической экономики с превалирующей корпоративной формой организации.

Несомненно, экономическое развитие по среднему пути будет проходить в рамках адекватной социальной метасистемы со зрелыми гражданско-правовыми институтами, отличными от институтов нынешнего капитализма и тем более традиционного социализма. Главной чертой новой социальной системы должно стать взаимное дополнение общественных, корпоративных и частных институтов при превалирующем значении принципов социально эффективного предпринимательства и социально

справедливого распределения. В таких социумах при всех их сложных и многообразных проблемах будущего развития (достаточно упомянуть о проблеме семейных отношений) определяющую роль будет играть действительно созидающий средний класс.

Резонно ожидать и самого широкого распространения постматериалистического сознания среди представителей образованных и достаточно состоятельных страт общества. Первенство будет принадлежать постматериальным ценностям, выражающимся в свободе самовыражения и качестве жизни. Постматериалисты ставят личный предпринимательский успех и накопление индивидуального богатства наравне с профессиональными достижениями и долговременным человеческим благополучием в рамках окружающей человеческой и природной среды. И, что особенно важно, предприниматели, разделяющие эту идеологию, будут ориентироваться на социальное признание своего устойчивого бизнеса, довольствуясь умеренной нормой прибыли. Кроме того, обозначенный фундаментальный сдвиг в общественном сознании определенно затронет и идеологические воззрения представителей элит. Исходя из интересов сохранения своего статуса, они начнут приспосабливать свои модели поведения к новому балансу ценностей.

Рассматриваемый сценарий, очевидно, исходит из императива преодоления укоренившейся институциональной дивергенции национальных экономических систем. Следуя сегодняшним представлениям исследователей, в ходе трансформации по третьему пути для западных стран институциональным образцом может стать скандинавская экономическая и в целом социальная модель, для неевропейских постсоциалистических и постразвивающихся стран – восточноазиатская модель экономического развития по примеру Сингапура, Малайзии и Тайваня, которая может быть названа национально конвергентной. При этом огромное значение, конечно, в качестве первого шага на этом пути может сыграть упоминавшееся возможное сближение институциональных экономических систем стран континентальной Европы, с одной стороны, и США и других стран с англо-американской рыночной моделью, с другой.

На следующем этапе естественным станет взаимное сближение между институциональными устройствами национальных экономических систем, сходных с точки зрения соотносительной значимости институтов саморегулирования, корпоративного регулирования и общественной регуляции. Иначе говоря, будет происходить мировая конвергентная экономическая трансформация.

В дальнейшем реально утверждение единого мирового законодательства, касающегося транснациональной экономической деятельности, и, возможно, единой валюты на межгосударственном уровне. В практическом плане универсальными станут механизмы регулирования корпоративного бизнеса, имея в виду, что главная роль в углублении экономической глобализации будет принадлежать крупным международным корпорациям. В то же время, среднее и малое предпринимательство, видимо, будет регулироваться в основном в рамках национальных законодательств.

Успешная конвергенция экономических систем стран, развивающихся по третьему пути, создаст условия и для глобализации, выгодной для бедных стран. Широкие возможности долгосрочных вложений заведомо не спекулятивного капитала в эти страны могут быть, наконец-таки, реализованы. А это будет означать достижение гораздо более справедливого мирового экономического порядка в сравнении с существующим.

Впрочем, не стоит идеализировать представленный сценарий «альтерглобализации», на пути осуществления которого определенно возникнут большие препятствия. Торговые и финансовые конфликты, вероятно, будут иметь место. Постепенное преодоление противоречий между разными по своему экономическому потенциалу странами станет достижимым только в случае осуществления глобальных по своему значению экономических и гуманитарных проектов, бремя затрат на которые должно лежать на всех успешно развивающихся странах мира. При этом правомерно ожидать сохранения в известной мере своеобразия институциональных устройств национальных государств и культурно-цивилизационных различий разных стран, что остается неотъемлемой чертой мирового социального развития.

Будущий технологический прогресс и ускорение экономической глобализации. Уже в следующем десятилетии высока вероятность скорого наступления новой стадии мировой технологической трансформации, которая будет ознаменована применением революционных биотехнологий при синергетическом эффекте их взаимодействия с новыми нанотехнологиями, новыми технологиями использования материальных ресурсов и информационными технологиями. Кроме того, самое широкое применение найдут новые промышленные технологии, технологии, обеспечивающие безопасность потребления пищи, воды и энергоресурсов в различных регионах мира с учетом изменения, а точнее, ухудшения климата. Прогнозируется и энергетическая революция, предполагающая максимальное использование солнечной энергии.

В связи со сказанным все более актуальной становится проблема предвидения общесистемного эффекта коренных глобальных технологических перемен, в первую очередь в отношении влияния на структурные экономические сдвиги¹. Кардинально усиливается и потребность в создании новой системы статистических измерителей, позволяющих учитывать результаты технологических изменений на уровне отдельных секторов и в целом на макросистемном уровне. Реального прогресса в этом направлении можно достичь на основе кропотливых конкретных исследований, опирающихся на все значимые источники страноведческой и международной информации².

Технологический прогресс следует определенно рассматривать как демиурга экономического роста. И по всем признакам относительная автономность фундаментальных технологических изменений от собственно экономических перемен в рассматриваемой перспективе проявится в еще большей мере, чем в настоящий период.

Одновременно, что не менее важно, технологический прогресс в условиях его всеобщей доступности будет выступать, по крайней мере, частично бесплатным благом или, иначе говоря, социальным вознаграждением. *Это обусловит неизбежность в рассматриваемой перспективе в той или иной мере социализации многих видов экономической деятельности, которые вполне резонно трактовать как пострыночные.*

В контексте сказанного нельзя обойти вниманием проблему предвидения будущих сдвигов в структуре мировой экономики, которые станут следствием трансформационной модернизации двадцатых годов нынешнего века. Наверное, точное прогнозирование будущей мирохозяйственной структуры даже на 10-летнюю перспективу выглядит недостижимым. Тем не менее, экстраполяционное по сути своей прогнозирование структурных экономических сдвигов, опирающееся на представления сегодняшнего дня о последствиях технологической модернизации, имеет определенно позитивный смысл.

¹ Теоретический подход к разрешению этой проблемы предложен в нашей предшествующей работе: Мартынов А.В. К новой концептуальной модели системной экономической трансформации. Репутациология. 2012, №1-2.

² The Global Technology Revolution 2020, In-Depth Analyses. RAND Corporation, 2006; Global Economic Prospects 2008: Technology Diffusion in the Developing World. Wash., D.C., 2008.

Исследователями прогнозируются постепенные, совсем не скачкообразные изменения в структуре экономического выпуска¹. В то же время резонно предсказывать кардинальные институциональные перемены, касающиеся ролей основных экономических агентов.

В числе этих перемен ключевое значение приобретает выдвижение в качестве первостепенных субъектов на глобальных рынках крупных высокотехнологичных компаний (КВК). Единодушно мнение известных нам прогнозистов о первостепенной роли КВК в осуществлении ожидаемых технологических прорывов. При этом наряду с государством, за которым останется приоритет в продвижении новейших военных технологий, высокотехнологичные корпорации будут призваны в максимальной мере участвовать в реализации фундаментальных технологических инноваций за границами экономического поля.

Также, по-видимому, огромное значение будет иметь участие КВК вместе с государством (в форме частно-государственных партнерств) в технологическом обеспечении мировых инфраструктурных проектов (в частности, развития климатически суровых районов Евразии и Африки), программ освоения ресурсов мирового океана и ряда других глобальных программ (проектов).

Наконец, именно на КВК ляжет миссия обеспечения равномерного распространения по всему миру технологических достижений, в первую очередь индуцируемых их собственной деятельностью, и за счет этого повышения занятости в относительно бедных странах.

В силу сказанного относительная значимость корпоративного порядка существенно увеличится. Одновременно повысится и опасность распространения корпоративной власти на всю экономику, а затем и на весь социум. Тем самым *проблема уравнивания порядков корпоративного регулирования и порядка общественной регуляции станет центральной*. Активное регулирование корпоративной деятельности, сочетающее в себе стимулирование социально полезного эффекта и преодоление чрезмерной рыночной власти, будет выступать главным залогом ее успешных результатов в рамках высокотехнологичной и одновременно значительно социализированной экономике будущего.

Будущая мировая технологическая трансформация станет предпосылкой к кардинальному ускорению процесса экономической глобализа-

¹ См.: Стратегический глобальный прогноз 2030. Расширенный вариант. Рос. акад. наук, Ин-т мировой экономики и международных отношений. М.: Магистр, 2011.

ции как трансформации. Таково единое мнение всех прогнозистов. И можно предположить, что в ходе такой трансформации будут в основном завершены коренные институциональные реформы мирохозяйственного устройства. Тогда столь долго ожидаемая институционализация общемировой экономической системы, наконец, в основном состоится.

Каким будет облик будущей глобальной экономики?

На поставленный вопрос может быть дан, конечно, только самый приблизительный ответ. Разделяя оптимистичное понимание будущих последствий технологического прогресса в соответствии с теорией постиндустриального развития Дэниела Белла и Алена Турена уже 50-летней давности, автор полагает, что в рассматриваемой перспективе сложится в целом новая, как ее принято называть, смешанная экономика с доминирующими высокотехнологичными секторами. И при любых обстоятельствах следует ожидать в значительной мере социализации экономической деятельности, хотя сами направления социализации конкретизировать пока сложно.

По нашему мнению, представленный выше сценарий институциональной альтерглобализации гораздо предпочтительнее сценария продолжения традиционной капиталистической глобализации с позиции перспектив будущего экономического развития. Это объясняется, по крайней мере, двумя причинами. Во-первых, институциональные системы стран, развивающихся по среднему пути, по существу не будут сталкиваться с трудностями адаптации к значительной социализации технологического прогресса. Во-вторых, преодоление институциональной дивергенции национальных экономических систем в случае осуществления сценария альтерглобализации максимально упростит экономическую глобализацию в условиях общемировой технологической модернизации.

Основные сдвиги в ходе возможной дальнейшей экономической и общесистемной трансформации по среднему пути выглядят достаточно понятными.

Так, доминирование высокотехнологичных рынков, далеко не саморегулируемых, будет сопряжено с окончательным сужением высокодоходных рынков и безвозвратным избавлением от рыночной власти банков, управляемых группами с особыми интересами. Окончательно коренным образом изменится и мировой фондовый рынок. Рост/снижение фондовых котировок будет отражать состояние реальных и непосредственно связанных с ним кредитных рынков. В таких условиях спекулятивные фондовые операции постепенно просто сойдут на нет.

В то же время значение малого и среднего бизнеса может усилиться. Рынки этих секторов будут призваны играть важную роль в распределении ресурсов, определении экономических выгод и, конечно, обеспечении занятости.

Наконец, окончательно разрешится проблема достижения и поддержания справедливых общемировых цен на невозобновляемые энергетические ресурсы. Вероятно, произойдет и постепенный переход к формированию мировой природной ренты.

Кардинальное сокращение масштабов сверхприбыльной эксплуатации сырьевых рынков в случае утверждения конвергентной экономической модели само по себе будет способствовать улучшению природной среды обитания. Реально достижимой становится гармония предпринимательской деятельности и воспроизводства природной среды. Это будет означать окончательное избавление от коренного порока прошлого индустриального развития, приводящего к истощению природных ценностей. В данной связи чрезвычайно высокий интерес вызывает глобальный проект улучшения социальной справедливости распределения посредством аккумуляции огромной природной ренты и, затем, ее использования на гуманитарные цели развития всего мирового сообщества. Однозначно существенно изменится статусная пирамида. Верхние ее этажи займет транснациональная корпоративная элита в лице новых технократо-руководителей. Перспектива ее утверждения на политической арене выглядит также очень вероятной.

В то же время в случае выполнения сценария альтерглобализации статусное лидерство технократической элиты не будет сопряжено с резким превосходством по размерам личного богатства в сравнении с другими стратами. Уровни благосостояния высококвалифицированных специалистов и других страт, представляющих средний класс, будут сопоставимыми. При этом благодаря демократизации корпоративного и государственного управления именно среднему классу будет отведена роль главной социальной силы, влияющей на экономические и политические практики.

Круг лиц, разделяющих адекватное изложенному сценарию мировоззрение (назовем его постматериалистическим), будет увеличиваться по мере распространения в ходе дальнейшей общемировой постиндустриальной трансформации видов деятельности, основанных на интеллектуальном знании. И прежде всего, не вызывает сомнений предрасположенность к этому мировоззрению со стороны представителей нового поколения, полу-

чившего современное образование и способных принимать самостоятельные решения в рамках своей профессиональной деятельности.

Впрочем, сообразуясь с сегодняшними представлениями, долгосрочную перспективу мирового развития правомерно оценивать без радужного оптимизма. Экономический и в целом социальный прогресс будет сдерживаться целым рядом факторов, среди которых исследователи особо выделяют вероятное сохранение неблагоприятных демографических континентальных/региональных разрывов и кризиса семьи в неазиатских мирах.

Критически значимой станет и проблема занятости. В первом приближении она, видимо, может быть сформулирована таким образом: как добиться высокой занятости, исходя из императива гармоничного развития общества в сферах деятельности, выступающих дополнением инновационной высокотехнологичной экономики?

Будем реалистами. Явной передержкой представляется трактовка будущего общества как общества знаний. В прогнозируемой перспективе, несмотря на распространение постматериалистического мировоззрения, есть все основания ожидать расширения рутинной, совсем не креативной экономической и другой социальной деятельности. Огромное количество, а возможно, и большинство занятых будет сосредоточено в низкотехнологичных и среднетехнологичных видах потребительских услуг. Угроза сохранения низких творческих возможностей и запросов этой части населения, примитивизация его жизни на фоне роста творческих начал в жизни другой его части станет очень заметной.

По нашему представлению, выход из этого положения в решающей мере связан с возможностью кардинального повышения занятости, в том числе работников интеллектуального труда в эколого-социальном секторе, расширяющемся в результате инновационной технологической деятельности как общественного блага. Этот процесс призван стать всеобъемлющим, охватывающим как растущие мегаполисы, так и климатически сложные районы планеты.
